

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. А. ХОЛДОВИЧ

ОПЫТ ТЕОРИИ ПОДКЛАССОВ СЛОВ

Практика показывает, что лингвисты — специалисты по отдельным языкам — выделяют не только классы слов, но и подклассы и даже подклассы подклассов. Когда мы читаем, что «в именах существительных [русского языка. — А. Х.] различаются названия предметов одушевленных и неодушевленных»¹, что «все имена прилагательные делятся на две группы: имена прилагательные качественные и имена прилагательные относительные», причем «в состав относительных прилагательных входит подгруппа прилагательных притяжательных»², что «глаголы делятся на две большие группы на глаголы переходные и непереходные», причем «к непереходным глаголам относятся глаголы со значением движения и положения в пространстве, ... глаголы, обозначающие физическое и нравственное состояние, ... глаголы со значением изменения в состоянии...»³ и что, наконец, «все наречия делятся на две основные группы: наречия качественные и наречия обстоятельственные», причем «особую группу внутри качественных наречий составляют наречия количественные...»⁴, — то в этом делении мы легко узнаем подклассы и подклассы подклассов. В самом деле, если существительные, прилагательные и т. д. представляют собою предположительно наиболее крупные группировки всего словарного состава данного языка, то совокупности слов, объединяемые терминами «одушевленный», «переходный», «относительный», «обстоятельный» и т. п., представляют собою тоже группировки, но уже, так сказать, второго порядка, а такие совокупности, как «глаголы движения», «глаголы нравственного и физического состояния», «наречия количественные», представляют собою также группировки, но уже третьего порядка.

Классы выделяются в грамматиках любого языка. Ни одна грамматика не обходится без частей речи. В более или менее явной форме всеми выделяются и подклассы. Однако если теория, а вернее, теории классов (= частей речи) существуют, то теория подклассов и особенно теория тех операций, которые необходимо проделать, чтобы выделить подклассы, еще не созданы. Ниже предлагаем вниманию читателя некоторые наши наблюдения и обобщения в области теории грамматических подклассов.

1

Условимся называть любую группу слов, обладающую теми или иными общими свойствами, классом (можно было бы также применять для обозначения этого понятия слова «группа», «совокупность», «множество»). Класс состоит из элементов; как видно из определения, элементами класса являются слова. Если слово имеет несколько значений, то для теории класса удобнее считать каждое такое значение отдельным словом, т. е.

¹ «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 104.² Там же, стр. 281.³ Там же, стр. 412, стр. 413—414.⁴ Там же, стр. 606, 607.

омонимизировать эти значения. По мнению некоторых лингвистов, элементами класса являются морфемы, а не слова. Но в настоящий момент все следствия, которые вытекают из контроверзы «слово — морфема», нас не интересуют. Если каждый элемент класса B входит в класс A , то этот класс B мы будем называть *подклассом* класса A . Сам подкласс B может быть классом по отношению к какому-либо подклассу C . В этом случае подкласс C целесообразно назвать подклассом подкласса.

Примером подкласса в общем классе слов может служить такой набор, как *падеж, паз, пакет, петь, плыть, пустой, полный, прежде*. Подклассы этого рода можно назвать *прагматическими*. Ими в языкознании пользуются, когда составляют словари. Другой пример таких подклассов — распределение всех слов по рифмам. Прагматические подклассы, очевидно, имеют разное, а не только лексикографическое значение. Примером подкласса в классе имен существительных русского языка может служить набор слов *конторщик, барабанищик, фонарищик, клемнищик* (признак подкласса: наличие морфемы *-щик*). Подклассы этого рода можно назвать *формальными*, или *морфологическими*, поскольку они выделены в плане выражения, а не в плане содержания (ср. другой набор: *конторщик, учитель, тещ, рыбак*, для выделения которого решающее значение имеет план содержания).

Помимо прагматических и формальных, или морфологических, подклассов, существуют и другие подклассы. К ним мы и переходим. При этом предполагается, что все слова данного языка L уже разбиты на n -число классов и что все классы при этом выделены правильно. Допустим, что среди правильно выделенных классов имеется класс V , условно именуемый глаголом. Спрашивается: можно ли и каким именно образом можно разбить его на подклассы так, чтобы они не были ни прагматическими, ни формальными (или морфологическими)?

Допустим, что нам дан набор лексем $v_1, v_2, v_3, \dots, v_n$, образующих класс V , набор соединимых с этими лексемами морфем $m_1, m_2, m_3, \dots, m_n$ и набор значений этих морфем $s_1, s_2, s_3, \dots, s_n$. Предполагается, что между этими наборами имеется определенная связь. Выделим некоторые модели этой связи, предполагая, что набор лексем дан полностью, а набор морфем во всех случаях равен единице. Введем сперва одно значение s_1 .

Модель I

$$v_1 + m(s_1)$$

$$v_2 + m(s_1)$$

$$v_3 + m(s_1)$$

.....

$$v_n + m(s_1)$$

Назовем значение s_1 , присущее морфеме m , соединяемой с любой лексемой класса V , *нераспределенным*. Очевидно, что этот случай не дает никаких данных для разбиения класса V на подклассы.

Введем теперь значение s_2 . В зависимости от двоякого отношения его к значению s_1 мы будем иметь две разные модели (II и III):

Модель II

$$v_1 + m(s_1 s_2)$$

$$v_2 + m(s_1 s_2)$$

$$v_3 + m(s_1 s_2)$$

.....

$$v_n + m(s_1 s_2)$$

Мы видим, что там, где присутствует значение s_1 , непременно присутствует и значение s_2 , и, наоборот, там, где присутствует значение s_2 , непременно присутствует и значение s_1 . Назовем такие значения **совмещенными**. Поскольку совокупность значений s_1 и s_2 присуща любой лексеме класса V , если каждая лексема осложнена морфемой m , постольку эти совмещенные значения оказываются вместе с тем и нераспределенными. Очевидно, что и этот случай не дает никаких оснований для разбиения класса V на подклассы.

Модель III

$$v_1 + m(s_1)$$

$$v_2 + m(s_1)$$

$$\dots\dots\dots$$

$$v_{n-x} + m(s_2)$$

$$v_n + m(s_2)$$

Мы видим, что там, где присутствует значение s_1 , нет значения s_2 ; и, наоборот, там, где есть значение s_2 , нет значения s_1 . Назовем такие значения **несовмещенными**. Будучи несовмещенными, они вместе с тем являются **распределенными**: значение s_1 присуще одной части лексем, оформленных морфемой m ; значение s_2 присуще другой части лексем, оформленных той же морфемой. Очевидно, что здесь налицо признак, позволяющий произвести разбиение класса на два подкласса.

Введем теперь понятие **пустого значения**: если лексема v_1 имеет значение s_1 (или значения s_1s_2), а лексема v_n не имеет этого значения (или этих значений), то мы условимся говорить, что лексема v_n имеет **пустое значение**. Если наличие значения s_1 (или значений s_1s_2) связано с наличием морфемы m , то отсутствие этого значения (или этих значений), или, иными словами, наличие **пустого значения** свидетельствует об отсутствии морфемы m . Подставляя в соответствующих местах в модели II и III вместо s_1s_2 пустое значение s_0 , получаем модели IV и V:

Модель IV

$$v_1 + m(s_1s_2)$$

$$v_2 + m(s_1s_2)$$

$$\dots\dots\dots$$

$$v_{n-x} + 0(s_0s_0)$$

$$v_n + 0(s_0s_0)$$

Здесь все значения являются **совмещенными** и в то же время **распределенными**: с одной стороны, имеем s_1s_2 , с другой стороны — s_0s_0 . Наличие распределения значений позволяет разбить класс V на два подкласса: подкласс со значением s_1s_2 и подкласс со значением s_0s_0 .

Модель V

$$v_1 + m(s_1)$$

$$v_2 + m(s_1)$$

$$\dots\dots\dots$$

$$v_{n-x} + 0(s_0)$$

$$v_n + 0(s_0)$$

Здесь значения s_1 и s_0 являются **несовмещенными**, но **распределенными**. Возможность разбиения класса V на 2 подкласса в этом случае очевидна.

Наличие значений s_1 , s_2 и s_0 позволяет построить еще одну модель:

Модель VI

$$v_1 + m(s_1 s_2)$$

$$v_2 + m(s_1 s_2)$$

.....

$$v_{n-x} + m(s_1 s_0)$$

$$v_n + m(s_2 s_0)$$

В отношении значения s_1 эта модель повторяет модель I (значение s_1 нераспределено). В отношении значений s_2 и s_0 эта модель повторяет III или, вернее, преобразованный вариант модели III — модель V: значения являются несомещенными и распределенными. Своеобразие этой модели заключается в способе соединения значений s_2 и s_0 со значением s_1 . Этот способ соединения можно сформулировать следующим образом: там, где есть значение s_1 , может быть либо значение s_2 , либо значение s_0 . Короче говоря, значения s_2 и s_0 являются по отношению к значению s_1 суммарно совмещенными. Очевидно, что расчленив глагол на подклассы в этом случае возможно лишь в отношении значений s_2 и s_0 , но не в отношении значения s_1 . Дело не меняется, если вместо значения s_0 мы введем новое значение s_3 .

Таким образом, между членением глагола на подклассы и распределением грамматических значений существует функциональная зависимость. Если морфема m имеет минимум два значения (включая сюда и так называемое пустое значение) и если эти значения распределены, то глаголы, имеющие эту морфему, автоматически расчленяются на подклассы согласно числу этих распределенных грамматических значений. Подкласс в данном случае оказывается функцией грамматического значения морфемы. Такие подклассы можно назвать подклассами с парадигматической валентностью. Их необходимо отличать от формальных, или морфологических, подклассов. Если формальные подклассы выделяются в плане выражения, то парадигматические подклассы выделяются в плане значения.

Проиллюстрируем сказанное одним примером. Все глаголы японского языка способны образовывать особую аналитическую форму, признаком которой является постпозитивное *иру*: *ёндэ иру* (*ёндэ* в лексическом отношении соответствует русск. «читать»), *кайтэ иру* (*кайтэ* — соответствует русск. «писать»), *синдэ иру* (*синдэ* — соответствует русск. «умирать»), *китэ иру* (*китэ* — соответствует русск. «приходить»). Эта форма имеет два грамматических значения s_1 и s_2 , которые являются несомещенными и распределенными: у глаголов типа *ёндэ*, *кайтэ* грамматическая форма имеет одно значение, у глаголов типа *синдэ*, *китэ* та же грамматическая форма имеет другое значение. Первое значение является континуативным (длительность процесса или состояния), другое — перфектным (состояние как результат действия); ср.: *ёндэ иру* «читает», *кайтэ иру* «пишет», но *синдэ иру* «(умер и теперь) мертв», *китэ иру* «(пришел и теперь) находится здесь».

Из сказанного вытекает, что по признаку распределения континуативного и перфектного значений данной грамматической формы все глаголы японского языка распадаются на два подкласса А и Б; общим свойством глаголов подкласса А (их можно назвать непределными) является способность образовывать указанную форму с континуативным значением, общим свойством глаголов подкласса Б (их можно назвать предельными) является способность образовывать указанную форму с перфектным значением.

В приведенных выше моделях набор морфем был ограничен единицей (если отвлечься от возможных алломорфов типа *игра-л* и *стриг*). Допу-

стим теперь, что нам дан ряд морфем (или форм), каждая из которых имеет ряд распределенных значений, например: $m_1 \left(\frac{s_1 s_2}{d_1} \right)$, $m_2 \left(\frac{s_3 s_4}{d_2} \right)$, $m_3 \left(\frac{s_5 s_6}{d_3} \right)$, где d указывает на то, что значения $s_1 s_2$, $s_3 s_4$, $s_5 s_6$ соответственно распределены. Здесь, однако, возможны два случая: распределение во всех трех (как в нашем примере) случаях может оказаться совпадающим ($d_1 = d_2 = d_3$); распределение в каждом отдельном случае является особым ($d_1 \neq d_2 \neq d_3$), не совпадающим в полной мере. В обоих случаях разбиение на подклассы производится не по единичному признаку, а по совокупности признаков, или, иначе, по пучку признаков: признаком подкласса А оказывается не просто s_1 или s_3 или s_5 , а вся совокупность $s_1 s_3 s_5$; соответственно признаком подкласса Б оказывается не просто s_2 , или s_4 , или s_6 , а вся совокупность $s_2 s_4 s_6$.

Эта совокупность признаков, по пучок, приобретает решающую роль там, где распределение значений в каждом отдельном случае является особым, не совпадающим в полной мере. Здесь каждое отдельное разбиение (например, по распределению значений морфемы m_1 или по распределению значений морфемы m_2 и т. д.) дает результат, способный исказить действительную картину, и, что особенно нежелательно, выделяет мнимые подклассы, лишенные значения. Приведем один пример. В китайском языке есть морфема *чжэ*, которая имеет два значения (если присоединить к этому еще пустое, то три значения) — значение состояния и значение длительности (пустое значение, естественно, не имеет семантического определения). Эти значения распределены и несовместимы. Исходя из этих данных, легко выделить три подкласса глаголов: глаголы, в которых посредством *чжэ* передается значение состояния; глаголы, в которых посредством *чжэ* выражается значение длительности; и, наконец, глаголы, которые не могут принимать *чжэ*, потому что в них эта морфема имеет пустое значение. Между тем реально все глаголы так называемого общего вида разбиваются в китайском языке не на три, а на четыре подкласса. Соотношение между действительным разбиением, произведенным на основании пучка значений, присущих разным морфемам, и разбиением, произведенным на учете распределения значений одной морфемы *чжэ*, можно представить в виде следующей схемы:

Реальное разбиение	Мнимое разбиение
глаголы недействия	пустое значение
предельные глаголы	
глаголы состояния	значение состояния
непредельные глаголы	значение длительности

В процессе общения, помимо слов, мы употребляем также словесные ряды. Любой словесный ряд можно разложить на ядро и его окружение. Если в словесном ряду *вновь наступили холода* в качестве ядра выделить слово *наступили*, то его окружением будет *вновь... холода*. Вопрос о том, являются ли ядро и его окружение постоянными для данного словесного ряда, иными словами, вопрос о том, можно или нельзя

попеременно принимать за ядро то *наступили*, то *вновь*, то *голода*, мы сейчас не рассматриваем⁵. В этой работе мы будем иметь дело только с такими словесными рядами, в составе которых имеется так называемый финитный глагол (*verbum finitum*). Понятия глагола, финитного глагола предполагаются известными. Условимся, что ядром подобного рода словесных рядов является финитный глагол.

Каждое ядро может иметь окружение с переменным числом членов. Например: *Вскрылись реки*; *Уже вскрылись реки*; *На юге уже вскрылись реки*; *Еще в марте на юге уже вскрылись реки* и т. д. Назовем число членов в окружении мощностью окружения. Из сказанного выше следует, что каждое ядро может иметь окружения разной мощности.

Допустим, что нам дано ядро v , входящее в класс V (глагол). Допустим далее, что ядро это имеет n окружений разной мощности из n , $n - 1$, $n - 2$, $n - 3$, ..., 1 членов. Изю всех этих окружений данного ядра одно и только одно является оптимальным. Все прочие окружения являются либо избыточными, либо недостаточными. Недостаточным мы будем называть окружение с наложенным на него ограничением. Иными словами, это такое окружение, которое возможно только в определенном контексте или в определенной ситуации: *Не давай ей!*; *Я все же отобрал*; *Он велел*; *Я вдела нитку*.

Дадим следующее определение оптимальному окружению при наличии n возможных окружений данного члена v_1 , с условием, что v_1 при любой мощности окружения не меняет своего значения. Оптимальным будем называть то окружение, которое содержит минимальное число членов с неналоженными ограничениями⁶. Иными словами, это то окружение, для понимания которого нет необходимости ни в знании определенной ситуации, ни в знании определенного контекста. Уменьшение такого окружения хотя бы на один член делает его недостаточным.

Из сказанного следует, что те окружения, которые не являются недостаточными или оптимальными, будут и избыточными. Точнее было бы сказать, что любое окружение, превышающее оптимальное, является избыточным.

Как увидим ниже, окружение может быть одновременно и недостаточным, и избыточным, например *Он читает быстро*.

Введем теперь понятие конфигурации. Конфигурацией будем называть сочетание данного ядра, например v_1 , с его оптимальным окружением. Примером конфигурации могут служить: *Она вдела нитку в иголку*; *Я подарил ему альбом*; *Я велел ему молчать*; *Мы выбрали его председателем*. Для обозначения этого понятия можно было бы применять также слова «модель», «структура», «рамка»; однако отождествлять конфигурацию со словосочетанием или предложением нельзя: это по существу разные явления. В дальнейшем мы будем иметь дело только с конфигурациями. Это значит, что вопрос о недостаточных и избыточных окружениях в этой статье рассматриваться не будет.

Каждый глагол (до введения понятия подкласса мы будем говорить о каждом глаголе) как ядро имеет определенное постоянное число членов в оптимальном окружении. В этом отношении ядро можно определить как слово с заданным оптимальным окружением.

⁵ Однако, видимо, не все слова могут быть ядром в словесном ряду. Есть основания полагать, что свойством быть ядром словесного ряда обладают слова-акциденты, а не слова-субстанции, или, применяя термины некоторых методистов преподавания иностранных языков, — так называемые строевые слова. Если это так, то в сочетаниях типа *высокий забор* ядром будет *высокий*, а не *забор* — вывод, парадоксальность которого очевидна в свете обычного понимания определяемого как господствующего слова.

⁶ Оптимальному окружению можно дать и другое, вероятностное, определение, которое является более строгим. В этом случае оптимальным будет такое окружение, вероятность появления которого при данном ядре приближается к единице.

Исходя из линейного представления конфигурации, будем называть каждый член оптимального окружения м е с т о м. Тогда в зависимости от числа мест все оптимальные окружения распадутся на одноместные, двухместные, трехместные и т. д. Поскольку ядро определено нами выше как слово с заданным оптимальным окружением, можно сказать, что все ядра конфигурации распадаются на одноместные, двухместные и т. д. Примером ядра с одноместным окружением может служить конфигурация *Лают собаки*, примером ядра с двухместным окружением может служить конфигурация *Он походил на ребенка*, примером ядра с трехместным окружением может служить конфигурация *Я пронзил его шпагой*. В языке есть и пустые окружения, в которых нет ни одного члена. Примером ядра с пустым окружением может служить конфигурация *Светает*.

Каждый член окружения по отношению к своему ядру и косвенно, через посредство ядра, по отношению к другим членам окружения выполняет определенную функцию. Эта функция является единственной. Двух функций член окружения не несет. Функции членов окружения являются несовпадающими. Выполняя определенную функцию, член окружения отмечен знаком функции.

Введем теперь понятие изотипного окружения и изотипной конфигурации. Допустим, что нам дан глагол v_1 в качестве ядра определенной конфигурации. Согласно определению, он имеет постоянно одно и то же оптимальное окружение. Например, $ab(v_1) = \text{Волк загрыз ягненка}$. Рассматривая вопрос о тождественности окружений⁷, мы имеем в виду то обстоятельство, что места в оптимальном окружении могут быть заняты разными словами. Имея ядро *загрыз*, можно сказать а) *Волк (медведь...) загрыз ягненка*; б) *Волк загрыз ягненка (козу...)*; в) *Волк (медведь...) загрыз ягненка (козу...)*. Иными словами, в данной конфигурации можно менять либо первый, либо второй, либо оба члена окружения. Все эти окружения являются «постоянно одними и теми же», т. е. тождественными⁸, в следующих отношениях, единственно важных для грамматики: а) они тождественны по числу мест: оптимальное окружение при глаголе *загрыз* можно менять материально, но его нельзя ни увеличить, ни уменьшить ни на одно место; всякое увеличение превратит его в избыточное, всякое уменьшение превратит его в недостаточное⁹. В этом отношении *Волк загрыз ягненка* = *Волк загрыз козу* = *Медведь загрыз ягненка* и т. д.; б) они тождественны по классу слов, занимающих соответствующее место: оптимальное окружение при глаголе *загрыз* можно менять материально лишь в рамках определенного класса слов (*волк* на *медведь* и т. п., *ягненка* на *козу* и т. п.)¹⁰, но нельзя заменить *волк* на *играть*, *ягненка* на *быстро*, не нарушив конфигурацию как целое. Значит, и в этом отношении *Волк загрыз ягненка* = *Волк загрыз козу* и т. д.; в) они тождественны по совокупности функций и их распределению: число функций в окружении *Волк загрыз ягненка* равно числу функций в окружении *Волк загрыз козу* и т. д., и эти функции взаимотнождественны и распределены одинаковым образом, иными словами, приходятся на одни и те же места. Такое тождество можно назвать ф о р м а л ь н ы м. Окружения, выполненные формально тождественно, но различающиеся лишь материально, мы будем называть и з о т и п н ы м и.

⁷ Тождество окружений в конфигурации, произнесенной в различных ситуациях, будем считать самоочевидным.

⁸ Совершенно очевидно, что чисто эмпирически эти окружения являются нетождественными. В одном случае переменным является первый член, в другом — второй, в третьем — оба члена. Назовем эту нетождественность материальной: материально коза действительно не ягненок, а медведь не волк.

⁹ См. ниже уточнение этого положения в связи с понятием незамкнутости.

¹⁰ Если речь идет о втором месте в приведенном выше окружении, то здесь можно заменить *ягненка* на *козу* или на *котенка* или, если угодно, на *карандаш* (о формальных ограничениях, накладываемых в этом случае на замену материального характера, см. ниже).

Из всего сказанного следует, что конфигурация как сочетание ядра с оптимальным окружением, т. е. синтагматически, конечна. Она имеет определенный размер. Но у конфигурации, как мы только что выяснили, есть и парадигматическая сторона: каждый член окружения в ней заменим. В парадигматическом отношении конфигурация бесконечна формально, но конечна материально. В конфигурации *Я читаю книгу* вместо слова *книгу* материально можно подставить только строго определенное число слов: *приказ, газета, телеграмма* и т. д., т. е. все слова, обозначающие предметы с нанесенными на них письменными знаками, и сами письменные знаки. Но формально здесь можно подставить любое слово, если только оно принадлежит к классу существительных и снабжено знаком функции (ср. у Маяковского: *читать* «звы новых губ», *играть* «на флейте водосточных труб»). Если соблюдены все формальные требования, то конфигурация считается выполненной, или правильной, и поэтому может быть предметом лингвистического исследования (см. «Войну и мир» Л. Н. Толстого, где князь Андрей говорит: «да, здесь, в этом лесу, был этот дуб, с которым мы были согласны»). Если формальные требования не соблюдены, то конфигурация считается невыполненной. Конфигурация *Он согласен со мною* выполнена и материально, и формально. Конфигурация *Береза согласна со мною* материально не выполнена, ибо соглашаться может только человек и едва ли даже животное. Что же касается формальной выполнимости, то она в этом отношении безукоризненна (см., однако, ниже). Признаки формальной истинности всегда налицо. Что же касается материальной истинности, то здесь, кроме здравого смысла, мы пока никаким другим критерием не обладаем.

Из сказанного легко вывести понятие подкласса ядра. Ряд глаголов, которые имеют изотипное оптимальное окружение, образует подкласс. Признаком такого подкласса является наличие изотипного оптимального окружения, т. е. окружения, выполненного тождественно формально и различающегося лишь материально. Такие подклассы можно назвать подклассами с синтаксической, или синтагматической, или конфигуративной, валентностью. Как видим, подкласс находится в функциональной зависимости от своего оптимального окружения.

Конфигурации с переменным ядром, члены которого составляют один подкласс, и удовлетворяющим ему изотипным окружением являются и з о т и п н ы м и. Конфигурация — это формальное¹¹, а не материальное понятие. Она состоит из ядра, которое характеризуется формально подклассом, и его окружения, которое тоже характеризуется формально числом мест, классом слов и их функций. Таких конфигураций в языке ограниченное количество. Их не больше, чем фонем в самом развитом в фонологическом отношении языке. Принадлежа языку (в сосюровском смысле этого слова) и являясь аналогом фонем, в речи (в том же понимании) конфигурации реализуются по-разному в двух отношениях: а) в отношении материального выражения членов конфигурации и б) в отношении избыточного и недостаточного окружения (этот вопрос требует особого рассмотрения).

3

Теория подклассов включает в себя также изложение совокупности тех операций, которые необходимо осуществить, чтобы выделить в составе класса синтаксически (или синтагматически, или конфигуративно) валентные подклассы. Эмпирически эти операции в большей или меньшей мере известны лингвистам, работающим над конкретными языками: ина-

¹¹ Из всего нашего изложения следует, что формальное ни в коем случае не тождественно асемантическому: в нем присутствуют и означаемое, и означающее.

че не могли бы быть выделены такие подклассы, как переходные и непереходные глаголы, так называемые *verba sentiendi* и т. д. Тем не менее методика выделения подклассов больше опускается, нежели осознается; во всяком случае системы операционного анализа мы пока не имеем. Отсюда масса досадных ошибок, неточностей, недомолвок в описательных грамматиках конкретных языков и даже отрицание грамматического характера этой проблемы в целом¹². Ниже в самом общем виде и весьма предварительно мы пытаемся набросать контуры этого, на наш взгляд, весьма важного раздела общей теории грамматики.

Выделение синтаксически валентных подклассов (в этой работе — только подклассов глагола) осуществляется в результате выполнения ряда следующих операций.

Первая операция заключается в выделении словесных рядов, содержащих финитный глагол как ядро возможных конфигураций. Основанием для этой операции служит теоретическое положение, гласящее, что нефинитные формы глагола являются преобразованными формами и относятся к финитной форме примерно так же, как неосновные варианты фонем к основному варианту, и что в связи с этим все конфигурации делятся на исходные, первичные и преобразованные, часть которых является нейтрализацией исходной конфигурации и может даже не содержать глагола в результате преобразования. Эта предпосылка здесь не обосновывается.

Вторая операция заключается в экстрагировании словесных рядов с недостаточным окружением и усечении избыточных в отношении глагольного ядра окружений до оптимального уровня; сущность этой операции заключается, таким образом, в вычленении конфигураций.

Третья операция заключается в группировке конфигураций по мощности оптимального окружения, т. е. в выделении конфигураций с пустым (типа *Смеется*), одноместным (типа *Он спит*), двухместным (типа *Она разбила стакан*), трехместным (типа *Он вложил меч в ножны*) и т. д. окружением.

Группировка конфигураций по мощности оптимального окружения является первым шагом к выделению подклассов, так как разноместные глаголы не могут принадлежать к одному подклассу. Если в результате выполнения этой операции окажется, что в данном языке имеется n разноместных конфигураций, то это будет означать, что количество подклассов в таком языке должно быть не ниже числа n . Таким образом, выполнив эту операцию, мы узнаем нижнюю границу числа подклассов. Но истинного числа подклассов в результате выполнения этой операции мы еще не получим, так как в языке, как правило, имеется несколько типов двухместных конфигураций, несколько типов трехместных конфигураций и т. д. Так возникает необходимость в следующей, четвертой, операции.

Выше мы сказали, что разноместные глаголы не могут принадлежать к одному и тому же подклассу. Во избежание неправильного истолкования этого положения введем понятия замкнутого и незамкнутого окружений. Замкнутым будем называть такое окружение, мощность

¹² Так, например, в своей работе «К вопросу о типах грамматического значения» («Вестник ЛГУ», 1956, № 2), которая по существу посвящена проблеме так называемых парадигматических (в нашем понимании) подклассов и которая содержит в этом отношении немало ценных наблюдений и формулировок, И. П. Иванова фактически отрицает синтаксические (в нашем понимании) подклассы: «...можно выделить в качестве лексических групп глаголы движения, глаголы чувственного восприятия, речи, мыслительных процессов, ...группу глаголов враждебного действия..., или группу глаголов развлечения... Такого рода группировку можно продолжить до бесконечности, но она не даст ничего для грамматики, и потому такие группировки в грамматике не рассматриваются» (там же, стр. 109). Здесь мы видим не только отрицание синтаксических подклассов, но и смещение их (например, глаголов движения и глаголов чувственного восприятия) с семантическими подклассами (глаголы развлечения и др.).

которого задана ядром и только ядром. Н е з а м к н у т ы м будем называть такое окружение, мощность которого определяется не только ядром, но и некоторыми свойствами отдельных членов замкнутого окружения. Так, например, в русском языке в конфигурации *Он всадил нож в дерево* окружение глагола-ядра *всадил* будет замкнутым, поскольку все члены его заданы ядром, глагол *всадить* требует трехместного окружения. Однако достаточно в этом окружении подставить на место существительного *дерево* такие существительные, как *ножка*, *спина*, обозначающие неотчуждаемую принадлежность, часть целого, как число членов такого окружения автоматически увеличится на один член, обозначающий целое, которому принадлежит указанная часть: *Он всадил нож в ножку стула*, *Он всадил ему нож в спину*. Такое окружение будет незамкнутым, так как число членов его определяется не только свойствами ядра *всадить*, но и свойствами одного из членов окружения (*в ножку*, *в спину*). В обоих случаях окружение остается оптимальным. Такое увеличение числа мест на один член не меняет подкласса глагола *вонзить*. Он не превращается в разноместный (то трехместный, то четырехместный) и не распределяется по двум подклассам, так как для определения числа мест точка отсчета во всех случаях должна быть одна, а именно — ядро. Вообще один и тот же глагол не может быть разноместным. Если он все же оказывается разноместным, то это, как правило, связано с изменением значения глагола. В этом случае ради простоты разные значения глагола можно приравнивать к двум омонимичным глаголам. В этом плане можно рассматривать и так называемое абсолютное «употребление» многих переходных глаголов, по крайней мере некоторые значения такого употребления (типа *Он пьет* в значении *Он пьяница*).

Итак, допустим, что в результате этой третьей операции мы выделили n групп конфигураций, среди которых оказались группа $A\ ab\ (v_1)$ — конфигурации с двухместным окружением, группа $B\ abc\ (v_2)$ — конфигурации с трехместным окружением. В группу А, очевидно, войдут конфигурации типа *Охотник убил волка*, *Он стал инженером*, *Он знает меня*, *Он уехал в Москву* и др. В группу В, очевидно, войдут конфигурации типа *Она вдела нитку в иголку*, *Он заставил меня молчать*, *Я подарил ему книгу* и др.

Ч е т в е р т а я операция заключается в распределении равномошных в отношении оптимального окружения конфигураций на подгруппы, каждая из которых характеризуется окружением, изотипным в отношении класса соответствующих членов. Выделив равномошные окружения, мы обращаемся затем к определению класса членов этих окружений.

Прежде всего выделяем однородные (или гомогенные) и неоднородные (или гетерогенные) окружения, т. е. окружения, все члены которых принадлежат к одному и тому же классу (тип *Малыш читает азбуку*), и окружения, члены которых принадлежат к разным классам (тип *Он собирается спать*).

Затем выделяются постоянные и переменные окружения, т. е. окружения, члены которых при любой подстановке сохраняют принадлежность к одному и тому же классу (тип *Он собирается спать*), и окружения, отдельные члены которых при подстановке могут менять свой класс (тип *Он стал инженером*, но также *Он стал злым*) или даже уровень (см. ниже).

Далее выделяются одноступенчатые и разноступенчатые окружения; в одноступенчатых окружениях все члены такого окружения принадлежат к одному уровню, т. е. являются словами; в разноступенчатых окружениях члены окружения либо принадлежат, либо могут принадлежать к разным уровням: одни члены окружения являются словами, другие — предложениями (ср.: *Он знает меня*, но *Он знает, что я писатель*). Таким образом, имеем:

Он читает азбуку	однородное окружение	}	постоянное
Он собирается спать	неоднородное окружение		окружение
Он стал инженером (или элым)	одноступенчатое окружение	}	переменное
Он знает меня (или что я писатель)	разноступенчатое окружение		окружение

При выполнении этой операции возможны ошибки в определении типа окружения. Остановимся на одной из этих возможных ошибок в анализе. Допустим, что нам дана конфигурация типа *Малыш читает азбуку*. Исходя из того, что на место второго члена окружения *азбуку*, принадлежащего к классу имен, можно подставить слова типа *громко*, *быстро*, принадлежащие к классу наречий, делаем вывод, что окружение глагола *читать* является переменным. Такой вывод, однако, является ошибочным. Наречие *быстро* действительно подставлено, но не на место, занимаемое именем *азбуку*, а на «пустое» место, принадлежащее потенциально возможному избыточному окружению. Что же касается имени *азбуку*, то оно в действительности не подменено, а опущено и заменено «пустым» местом, в результате чего оптимальное окружение оказалось превращенным в недостаточное (из этого, между прочим, следует, что окружение может быть одновременно как недостаточным, так и избыточным, разумеется — в разных отношениях, но во всех случаях по отношению к заданному оптимальному окружению). Сказанное доказывается, в частности, тем, что можно свободно сказать *Малыш читает азбуку быстро*. Если бы *быстро* было действительно подставлено на место *азбуку*, то оба эти слова нельзя было бы дать в одном окружении линейно и одновременно; таким образом, *азбуку* и *быстро* принадлежат синтагматическому, а не парадигматическому ряду. Смешивать эти два ряда нельзя; любая ошибка этого рода непременно скажется на результатах четвертой операции.

Четвертая операция сама по себе не завершает процедуры выделения подклассов. В самом деле, возьмем две конфигурации: конфигурацию типа *Мы выбрали его старостой* и *Мы подарили ему книгу*. Произведя над ними четвертую операцию, мы обнаружим, что окружения в этих конфигурациях тождественны: это трехместные, однородные, постоянные окружения. Между тем конфигурации эти далеко не тождественны, и ядра их явно принадлежат к разным подклассам. В русском языке различие достаточно четко обозначено формами слова. В случае же если формы слова не позволяли бы произвести такого различия и отказали бы таксематический признак (порядок членов окружения относительно ядра), очевидно, необходимо было бы перейти к другим операциям, в частности, к пятой операции.

Пятая операция заключается в испытании окружения на принадлежность отдельных его членов к тому или иному подклассу определенного класса (эти подклассы мы принимаем как данное). Два окружения могут быть тождественными как в отношении мощности, так и в отношении класса слов, принадлежащих к окружению, и все же быть неизотипными в силу того, что члены окружения, входящие в один класс, распределяются по разным подклассам этого класса. Так, например, в одном окружении все входящие в него имена могут никак не реагировать на распределение их на подклассы, а в другом окружении распределение этих имен на подклассы будет иметь решающее значение. В одном случае они должны принадлежать к подклассу лиц все без исключения; в другом случае к подклассу лиц или одушевленных должен принадлежать только один определенный член окружения, тогда как другой член окружения может либо входить в противоположный подкласс (не-лиц или неодушевленных), либо быть безразличным к распределению на подклассы и быть, таким образом, «немаркированным» членом окружения. Все это теоретические возможности; только конкретный анализ может показать, какие из них реализуются в действительности. Как бы ни распределялись реально подклассы, значение их для дифференциации конфигураций бес-

спорно. Так, например, второй член окружения в конфигурации *Я подарил ему книгу* должен входить в подкласс лиц или, по крайней мере, в подкласс одушевленных; для третьего члена этого окружения подкласс безразличен (ср. *Я подарил ему книгу*, *Я подарил ему собаку*, а при определенных исторических условиях — *Я подарил ему раба*). Легко убедиться, что в конфигурации *Мы выбрали его председателем* дело обстоит иначе. Выполнение этой операции не противоречит требованию проводить анализ на формальном, а не на материальном уровне, поскольку понятие подкласса столь же формально, как и понятие класса.

Шестая операция заключается в проверке соответствия между членами окружения и «предметами» (условно: «испытание на референта»). Допустим, что нам дана конфигурация *Альпинисты взяли вершину*. Двухместное окружение ядра состоит из двух имен, которым соответствуют два «предмета»: альпинисты и вершина. Условимся говорить, что в этом окружении отношение между именами — членами окружения и «предметами» (или, что то же, «референтами») имеет вид 1 : 1. Аналогичным образом в конфигурации типа *Она вдела нитку в иголку* трем именам окружения соответствуют три «предмета»; отношение между именами — членами окружения и «предметами» (или «референтами») здесь также имеет вид 1 : 1. Совсем иначе обстоит дело в конфигурациях типа *Он стал инженером* и *Мы избрали его председателем*. В первой конфигурации окружение содержит два имени, но им соответствует только один «предмет». Во второй конфигурации окружение содержит три имени, но им соответствуют только два «предмета». Здесь отношение между именами — членами окружения и «предметами» имеет вид 2 : 1.

Очевидно, что если окружения двух ядер совпадают в отношении мощности, в отношении распределения классов и подклассов, а также в отношении порядка членов (и даже морфологических форм), но отличаются видом отношения между числом членов окружения и числом «предметов» (или «референтов»), то такие окружения не могут быть названы изотипными, а конфигурации тождественными.

Есть еще две операции, которые, собственно говоря, принадлежат уже иному разделу общей грамматики — учению о конфигурациях и их соотношении. Мы имеем в виду испытание на обращение и преобразование. В языке, помимо основных, исходных конфигураций, существуют конфигурации о б р а щ е н н ы е (например, *Письмо мною прочитано* по отношению к *Я прочитал письмо*) и конфигурации п р е о б р а з о в а н н ы е (например, *об его отъезде* в предложении *Я вспоминаю об его отъезде* по отношению к *он уехал*). Неизотипные исходные конфигурации подвергаются обращениям и преобразованиям далеко не одинаковым образом, и это различие в обращениях и преобразованиях служит дополнительным средством для разграничения синтаксической валентности ядер, а следовательно, и для дифференциации их на подклассы. Однако рассмотрение этой проблемы и вытекающих из того или иного ее решения операций составляет тему особой работы.

Выполнение всех описанных выше операций гарантирует выделение истинных подклассов в составе класса слов, условно именуемого глаголом. Разумеется, число необходимых операций и их последовательность в немалой степени зависят от характера того или иного языка, в первую очередь, от формального потенциала слова в данном языке. Для языка, в котором формальный потенциал слова достаточно велик, очевидно, можно ограничиться некоторым минимумом операций, чтобы в общем безошибочно выделить подклассы и их значения. Все же и для такого языка с увеличением числа операций увеличивается и надежность выделения подклассов. Однако вопрос об универсальности операционного анализа требует особого рассмотрения.